

Утром до первого поезда Касима прибыл в Окутаму.

Покинув Концептуальное Пространство в западной Татикаве, он встретился с группой зачистки и попросил их организовать поездку до станции Окутама.

Мужчина чувствовал себя довольно легко. Он по-прежнему ощущал боль в исцеленной правой руке, но ему казалось, что она его взбадривала, не давая уснуть.

На пути к родительскому дому Касима шагал сквозь предрассветную Окутаму.

Его родители наверняка уже проснулись.

Сегодня они собирались приступить к посадке риса, а раз так, ему нужно решить, останется он им помогать, или нет.

— В любом случае, Нацу-сан захочет помочь.

Он выдал горькую улыбку и вспомнил времена, когда помогал им в прошлом.

...Тогда, я садил рис вместе с дедушкой.

Касима вспомнил ощущение на своих ногах, тонущих по щиколотку в грязи.

...Возможно, мне стоит помочь.

Фактически, отдел разработок возьмет небольшой отпуск в начале мая, поэтому с одним телефонным звонком он мог взять пару выходных за свой счёт.

И как только выходные кончатся...

...Как дела пойдут дальше?

Отряд Левиафана определённо начнет переговоры с остальными Гирами.

Он вспомнил парня и девушку, спускающихся рука об руку с Сусаоо.

Сусаноо и его принцесса выбрали ветреную землю Изумо. Касима не сомневался, что они добудут ещё немало Концептуальных Ядер, дабы преподнести их небесам. И чтобы их поддержать, кому-то понадобится делать снаряжение и оружие.

— Это наша работа.

Мужчина кивнул, спрятал эту мысль глубоко в сердце и сосредоточился на другом.

...Мне нужно поспешить домой.

Если его родители уже не спали, Нацу и Харуми наверняка тоже.

Когда его не было, Харуми обычно плакала, потому он надеялся, что она не доставляет множества хлопот.

Касима поспешил по наклонной дороге, ведущей через лес.

Он завернул за резкий поворот и обнаружил перед собой место аварии.

Но это не было его местом назначения. Мужчина собирался продолжить подниматься на склон, и достичь дома своих родителей.

Скорее, — подумал он и ускорил свой темп.

И затем как раз перед склоном, который Касима корил в другой день, он кого-то заметил.

На ограждении перед ним сидела женщина в сорочке и джинсах.

Это Нацу.

Она держала Харуми, и пуговицы её рубашки были расстегнуты, оголяя правую грудь.

— ...

Неожиданно заметив его, она прищурилась.

— Акио-сан?

Женщина содрогнулась и поднялась. Кольцо на цепочке, надетой на шею, качнулось.

— Акио-сан.

Приближаясь, она повысила голос, но затем покраснела, кое-что осознав.

Нацу опустила взгляд и увидела свою открытую грудь и спящую Харуми.

Её шаг замедлился, и её лицо разволновалось. Она в замешательстве металась между Касимой, Харуми и собой.

Касима приблизился к ней с горькой улыбкой.

— Стой смирно.

Он оглянулся, убедившись, что никого нет, и потянулся к её груди.

Затем дотронулся до неё и передвинул бюстгальтер, вернув его на место.

Она щекотливо хмыкнула, и Касима сам наградил её смущённым взглядом.

Он застегнул её рубашку и, затем, проговорил.

— Нацу-сан.

— Э, да? Что-то не так?

— Полагаю, ты отправилась на утреннюю прогулку, но что бы ты делала, если бы вместо меня появился кто-то другой?

— Э? Т-тогда, я бы отнеслась к ситуации более серьёзно. К сожалению, я больше никого тут не знаю.

— Тогда почему ты так разволновалась, когда пришёл я?

— Потому что мне не хотелось, чтобы ты думал, что я непорядочна...

Покраснев и прищурив опущенные глаза, Нацу вздохнула.

Касима не знал, как на это реагировать, но она кивнула в его сторону.

После чего они вдвоём начали идти.

— Твои родители уже на ногах. Они сказали, что мы позавтракаем после моей прогулки.

— Но мне бы хотелось поесть твоей стряпни.

— Я приготовлю дополнительную порцию.

Её глаза снова прищурились, и Нацу выдала мягкий смешок.

Затем, она наклонила голову.

— Ты не будешь спрашивать, почему я тут?

— Если спрошу, ты солжешь?

— Да. Я знаю, что ты поймешь, даже если так.

Она была очень непрямой женой, но в её улыбке не было злого умысла.

Шагая рядом с ней, Касима задумался.

...И ты не спросишь, чем я занимался. Хотя и видишь, что с моей рукой что-то произошло.

Причина, по которой она не спрашивала, была той же, которую только что упомянула.

— Мы Ямато Такэру и его принцесса, — пробормотал Касима, повернув полуприкрытые глаза к Нацу.

Он хотел ей столько всего рассказать.

О видневшемся вдали городе, пережившем полнейшее разрушение.

О дедушке и его товарищах, сделавших всё, чтобы разрушение, которое они пережили, никогда больше не повторилось.

О дедушкиных чувствах и инженере, который на них ответил.

О том, как он искал силу и, преследуя её, вызвал несчастный случай.

И о той битве, что произошла прошлой ночью.

...Я хочу рассказать ей всё, что я видел, что испытал, ответы, которых достиг, вопросы,

которые они вызвали, и всё остальное.

Но Касима ощутил, что ему не следует ей говорить.

Это было так же, как и с Сусаоо.

Железный гигант стоял внутри Концептуального Пространства в городе у него за спиной. Никто не ведал о нем, и даже если он позабыт...

...Сам факт, что он спас этот мир, никогда не будет потерян.

Даже если всё будет забыто, оно не будет утрачено.

— ...

Своей перевязанной правой рукой Касима обнял плечо человека, идущего рядом с ним.

— Мм, — выдохнула Нацу, когда прильнула к нему поближе, по-прежнему удерживая Харуми.

Неожиданно, позади них повеял ветер.

Он пришел с востока. Этот могучий ветер знаменовал начало утра.

— Рассвет, — произнесла Нацу, как только утренний свет осветил их сзади.

И под дыханием ветра, женщина наклонила голову и оглянулась.

За лесом она должна была разглядеть очертания Токио.

— Э? — прищурилась Нацу. — На миг мне показалось, что я увидела посреди города гигантскую фигуру.

Касима ахнул, но затем закрыл глаза и предположил, что она ошиблась.

Но всё равно произнес, тщательно подбирая слова:

— Присмотрись хорошенько.

— Хорошо, — она кивнула, и прищурила глаза в сторону восходящего солнца. — Как странно.

Токио покрыт утренним туманом, но солнечный свет освещает его золотом. Это напоминает иллюстрации из книг моего отца.

— Разве? — Касима вздохнул. — Тогда, должно быть, эту землю защищает Сусаноо.

— Да, — сказала она со слабой улыбкой.

И между ними двумя повеял ветер.

В такое время года восточный ветер всё ещё полнился прохладой. Незадолго после посадки риса настанет сезон дождей, и, следом, наступит лето.

Поразительно чистое небо скоро затянет сыростью и густотой.

Ветер Кусанаги, что пересекает землю и проносится по растениям, скоро превратится в ветер Муракумо, нагоняющий дождь сезона дождей.

...Ну, дедушка? Ветер этого мира такой же, как ветер из мира, в котором ты жил?

Касима не ведал ответа, но у него было чувство, что он понял.

...Вот как это работает?

И приглядевшись к уходящему ветру, он кое-что вспомнил.

Касима вспомнил, что ему следовало сказать человеку, с которым он шёл.

Мужчина решил сказать фразу, которая была у него на уме во время битвы.

Он один раз кивнул.

Когда он повернулся, Нацу на него посмотрела. Её голова удивленно склонилась, и она ждала его слов.

Касима приоткрыл уста и обратился к ней и к ребенку, спящему у неё на руках.

— Я дома.

...Восточный ветер, ветер Кусанаги, который непременно обернется Муракумо, мои слова вас

достигли? Я больше не отрицаю силу 2-го Гира, которую вы оставили позади. Но...

— Я вернулся к вам двоим.

При этих словах Нацу кивнула, а Харуми открыла глаза.

— А...а.

Нацу улыбнулась её слабенькому голосу.

Это улыбка указывала на нечто для неё важное, и затем, она повернула её к Касиме.

— Акио-сан.

Со слегка влажными глазами, она сопровождала его имя двумя простыми словами.

Эти дорогие слова были причиной, по которой он стремился к вечно переменчивому ветру, путешествующему повсюду.

Нацу произнесла их тихим, но уверенным голосом.

И он задавался вопросом, прислушивается ли ветер к её словам.

<http://tl.rulate.ru/book/95927/3275270>